

Т. И. ИСМАИЛОВ

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СОЦИУМОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННОГО К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

В статье анализируются социально-экономические, политические, социокультурные факторы и предпосылки модернизации северокавказских обществ на современном этапе развития.

Ключевые слова: социумы Северного Кавказа, модернизация, инновационный социум.

Сущностной задачей модернизации России является ее переход к такой социальной системе, при которой инновационность станет элементом новой традиции, т. е. новой культуры как основы социального воспроизводства. Критика таких моделей как колонизация, вестернизация, догоняющая модернизация привели к отказу от линейности прогресса, утверждению многообразных путей, с учетом возрастания значимости культуры в ее способности удержать старые или произвести новые культурные образцы.

Неклассические теории [1] (А. Айзенштадт, Э. Гидденс, С. Хантингтон) рассматривают переход традиционного или современного общества в постсовременное как результат сочетания обычая и нововведения, секулярности в общественной жизни и религиозности в культуре. Многим странам в этом случае достаточно нескольких шагов классической модернизации для того, чтобы перейти к национальной модели развития. Успешным примером подобной модернизации без вестернизации называют Японию.

Важной проблемой современного кавказоведения является вопрос о модернизации кавказских социумов, осознания региональными акторами своего места в контексте глобального цивилизационного взаимодействия [2].

В экономической сфере регионы Северного Кавказа в сравнительно небольшой степени были затронуты процессами урбанизации и индустриализации. Доля сельского населения до сих пор часто соответствует пропорциям доиндустриальной цивилизации [3]. С 1940 года численность коренного населения северокавказских социумов удвоилась, что привело к обострению лимитирующих факторов, особенно земли, усилилась трудовая миграция, сезонная миграция (отходничество), изменилось отношение к социальным лифтам и молодежь стремится в города и мегаполисы. Эта тенденция свидетельствует о том, что социальная структура перенастраивается в пользу производительных сил более продвинутой цивилизации.

Роль малого бизнеса, свобода предпринимательства также непосредственно характеризуют инновационный потенциал. Однако по количеству таких предприятий на 1 тыс. чел. все республики очень сильно отстают от среднероссийского уровня [4]. Особенностью многих субъектов региона является сохраняющееся огосударствление экономики,

которое выражается в большом количестве государственных и муниципальных унитарных предприятий (особенно в Чечне, в Дагестане). По совокупности признаков предпринимательский потенциал модернизации считается высоким в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Карачаево-Черкесии.

Социальная структура и ценностные ориентации коренного населения устроены так, что они адаптированы главным образом к развитию этноэкономики [5]. Это способствует вытеснению русскоязычного населения и формированию моноэтнических социумов, которые консолидированы идеологически, прежде всего определенными формами ислама. Поэтому модернизации должны быть подвержены как социальная структура, так и идеология. При этом, весь этот порядок причудливым образом уживается с высоким процентом развития теневых экономических, финансовых отношений и криминализации. Поэтому этноэкономика должна подвергнуться как всесторонней модернизации (технической, социальной, идеологической), так и декриминализации [6;7]. Этноэкономика северокавказских социумов оказалась невосприимчивой и к советской, и к российской рыночной системе, поэтому результатом реформы рынков в округе стала не модернизация, а деиндустриализация, сырьевая ориентация, дезинтеграция общественно-экономической жизни [8], дотационность. Надо понимать, что базис экономики Северного Кавказа структурируется из комбинации элементов «официальной экономики», «рыночной экономики» и «этноэкономики».

Продуктивной, с нашей точки зрения, является также идея «очаговой модернизации», под которой понимается товарное производство «на экспорт», осуществляемое множеством компактно взаимоувязанных производителей [9]. Инновационному развитию могут способствовать идеи, увязывающие микро и макроэкономические факторы, а также рассматривающие экономический фактор в культурно-цивилизационном контексте. С этой точки зрения представляет интерес позиция И. В. Стародубовской [12]. Она считает неверной традиционную оценку Северокавказского федерального округа как абсолютно депрессивного региона с тотальной бедностью, повсеместной безработицей, отсутствием инвесторов. В итоге ее оценок (Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Ставропольского края) возникает оптимистическая картина образа

жизни и личного потребления на основе приусадебного хозяйства [10]. Она считает, что молодое поколение северокавказских городов практически полностью получает высшее образование и является носителем модернистских и постиндустриальных мотиваций, что доказывает наличие креативной прослойки. Однако есть ли у нее возможность реализации этих притязаний в регионе? По ее оценке; проблема не столько в безработице (так как в агропромышленности вакансий хватает, но молодежь устремляется в мегаполисы), сколько в дефиците социальных лифтов – тейпово-клановые препятствия ограничивают тенденции к инновационному обществу. Вариантом построения инновационной среды для адаптации сельской молодежи к городским ценностям может быть широкая программа социализации молодежи через самые различные формы обучения. Должны существовать методы политической протекции развития университетов, колледжей, других институтов социализации как способов создания инновационного общественного климата.

Для перспективной оценки модернизационного тренда существенное значение имеет анализ инновационного потенциала с социальной и политической точки зрения. Так, с точки зрения авторов доклада «Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов» [10] состояние сферы высшего образования и науки имеет критическое значение для модернизационных процессов региона. Многими экспертами качество высшего образования оценивается как низкое во всех республиках, говорится о коррупции в вузах, отсутствии мотивации у студенчества, плохом преподавании.

Непосредственное отношение к инновационному процессу имеет состояние науки. Научная сфера, по оценке Доклада, в Северокавказских республиках развита очень слабо. На основе собранных данных можно сделать вывод об очень неравномерном научно-образовательном потенциале республик Северного Кавказа, по совокупности признаков выделяются Дагестан и Северная Осетия. В области технологических изобретений и внедрения, фиксируемые выдачей патентов по данным на 2009 год положительно характеризовался только Дагестан (547 патентов). Показатель инновационной активности организаций во всех республиках Северного Кавказа ниже среднероссийских 9,3%. Обобщающий вывод экспертов таков, что инновационный экономический потенциал и инновационная активность в регионах Северного Кавказа явно ниже средних по стране.

Культурный потенциал модернизации напрямую связан с процессами секуляризации. В настоящее время по всем оценкам экспертов на Северном Кавказе усиливается роль ислама; при наличии сторонников различных течений, каждое из них вносит свой вклад в процессы ретрадиционализации. Отмечается не рост секуляризации, а рост конформного традиционного и даже фундаменталистского

сознания, что приводит к острым религиозным конфликтам, например, в Дагестане. Конфликт подавлен в Чечне, где авторитарно формируются элементы исламского государства. Уровень секуляризации, по экспертным оценкам, выше в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, но и в этих регионах ислам и традиционализм стал важным культурным фактором. Таким образом, ситуация культурного и идеологического потенциала инновационного социума достаточно проблематична.

Очевидно, что успешность общей модернизации зависит от политического процесса. Препятствием для политической модернизации служит чрезмерная бюрократизация общества. Численность государственных служащих в отношении к численности населения очень велика в Чечне и Ингушетии, количество муниципальных работников особенно велико в Карачаево-Черкесии. Слабо развита бюджетная политика, проводимая по программно-целевому методу в рамках различных программ, хотя ее пытается поощрять Федеральный центр. Существуют большие проблемы с информационной открытостью органов власти, развитием электронных услуг, прозрачностью системы государственных закупок и другими элементами открытости управления, которые являются признаком инновационных систем. Процессы обновления и омоложения властной элиты в их нынешнем виде и при данном кадровом составе и принципах рекрутирования не ведут к росту ее профессионализма и инновационной деятельности. Одной из ключевых проблем является пассивность и несформированность гражданского общества, интерес которого к политической сфере резко понижен из-за неверия в возможность проведения честных выборов [11].

В то же время, было бы неадекватно расценивать Северокавказский регион как округ, не укладывающийся в общероссийские волны модернизации. Республики Северного Кавказа нельзя назвать типичным сакральным обществом, при наличии тенденции к ретрадиционализации, эти социумы прошли через исторический этап советской модернизации с ее индустриализацией, урбанизацией и секуляризацией, и в настоящее время осваивают модель национальной модернизации. Поэтому и пессимистический и оптимистический взгляд находятся в рамках оценки этой модернизационной модели.

Литература и примечания

1. Федотова В. Г. Глобализация и модернизация // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 192–193.
2. Волков Ю. Г. Актуальные проблемы кавказоведения // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2 (22). С. 19–21.
3. Наиболее урбанизированной предстает Северная Осетия, где сельское население составляет около 1/3 от общего населения.
4. Доля малых предприятий в валовом региональном продукте является наибольшей в Кабардино-Балкарии (24%), единственном регионе, превосходящем среднероссийские значения.

5. Поляков С. П., Бушков В. И. Социально-экономическая ситуация в Северо-Кавказском регионе. М., 1997. С. 27.

6. Колесников Ю. С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-78473.html>

7. Игнатов В. Г., Бутов В. И. Южная Россия и ее регионы. М.; Ростов н/Д, 2006. С. 304.

8. Колесников Ю. С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-78473.html>

9. Соколов Д. Кормление Кавказа или очаговая модернизация. URL: <http://southru.info/1148153734-denis-sokolov-kormlenie-kavkazaili-ochagovaya-modernizaciya.html>

10. Модернизация на Северном Кавказе: есть ли решение? // Неприкосновенный запас. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/sa9-pr.html>

11. Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов. Аналитический доклад подготовлен Центром политических технологий при грантовой поддержке Общественной палаты (НКО-оператор – Институт общественного проектирования). URL: http://www.insor-russia.ru/files/SevK_2011.pdf

T. I. ISMAILOV. THE PROBLEM OF MODERNIZATION OF THE NORTH CAUCASIAN SOCIETIES IN THE ASPECT OF THE TRANSITION FROM TRADITIONAL TO INNOVATIVE DEVELOPMENT

The author analyzes the socio-economic, political, socio-cultural factors and prerequisites for modernization North Caucasus societies in the aspect of the transition from the traditional to the innovative society.

Key words: communities of the North Caucasus, modernization, innovation society.

Ю. В. ЗЕЛЕНСКИЙ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ПОЛОВЦЕВ С АЛАНАМИ И АДЫГАМИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматриваются взаимоотношения половцев с аланскими племенами Прикубанья и адыгскими племенами Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: половцы, аланы, адыги, взаимодействия кочевых и оседлых племен.

Взаимоотношения половцев с аланами и адыгами неравномерно отражены в письменных источниках. Если о взаимодействии половцев и алан сохранилось достаточно много свидетельств (грузинские летописи, известия арабских и персидских авторов), то половецко-адыгские контакты практически не отражены в письменных источниках. Взаимоотношения половцев с аланами и адыгами очень слабо представлены археологическими источниками.

В начале XII в. половцы из донецких степей переселились в Предкавказье, а затем в Грузию. Грузинский царь Давид IV Строитель нуждался в постоянном войске, ведя войну против турок-сельджуков. Именно поэтому он решил пригласить в Грузию кипчаков. Авторы грузинского летописного свода «Картлис Цховреба» писали, что сначала к половцам были отправлены послы. Затем Давид вместе со своим главным советником Георгием Чкондидели поехал в страну алан [1]. Здесь явно подразумевались северокавказские аланы. Кочевники дали согласие переселиться в Грузию, но необходимо было получить согласие и алан, контролировавших горные проходы.

Авторы грузинских исторических хроник преувеличивали влияние Давида IV на Северном Кавказе. Они писали, что аланы во время переговоров с царем вели себя как рабы. На самом деле, это было конечно не так. Аланы просто не желали иметь рядом с собой всегда готовых к грабежу степняков.

В грузинской летописи «Картлис Цховреба» сообщалось, что «овсы (аланы) и кипчаки отдали царю заложников и заключили между собой соглашение». Началось переселение половцев в Грузию. Грузинские историки писали: «Давид открыл крепости Дарьяльские и все врата Осетии и Кавказа и по этой безопасной дороге провел многочисленное войско кипчаков, а также тестя и братьев своей супруги» [2].

С. А. Плетнева считала, что большая часть половцев находилась не в Грузии, а в степях Предкавказья. В этом случае они не могли избежать контактов с аланами. Но эта гипотеза вызывает сомнения. В грузинских летописях ничего не говорится о дальнейших перекочевках половцев. Следовательно, их переселение в Грузию было одномоментным.

Сообщал о взаимодействии половцев и алан также армянский средневековый историк Маттеос Урхаеци. Описывая войну Давида Строителя против Аррана, он упоминал, что в войске Давида находились 15 тысяч кипчаков и 500 алан [3]. Позже об участии алан и кипчаков в военных действиях против турок-сельджуков писали грузинские и армянские историки.

С вторжением половцев археологи связывали прекращение жизни на аланских городищах Кубина, Учкурка, Адиюх, Эльбурган и Ново-Кувинское. Но это могло объясняться и другими причинами.

В. А. Кузнецов полагает, что взаимоотношения